

ШАНДОР ГЕБЕИ

Трансильванско–русские отношения в XVII в.

Трансильванско–русские отношения в XVII в. имели исключительно политический характер, больше того, тематически ограничивались очень узкой сферой. Конкретно: эти отношения могут быть связаны с выборами польского короля. Поскольку Речь Посполита (Польско-Литовская дворянская республика) функционировала в качестве выборной монархии, после 1572 г., то есть после прекращения династии Ягеллонов, при выборах польского короля среди претендентов на трон всегда можно было найти монархов всех соседних государств или членов их семей. Так произошло, например, и в 1574–1575 г., когда в числе девяти претендентов на престол находились трансильванский князь Стефан Баторий (Иштван Батори) и русский царь Иван IV. Можно без пристрастия утверждать, что Стефан Баторий оказался наиболее удачливым монархом Речи Посполитой. Его авторитет и популярность среди польских и литовских подданных основывалась на военных победах, одержанных им над Иваном IV в Ливонии. Стефан Баторий действительно был королем Речи Посполитой, а не, как он однажды гневно бросил польским вельможам, «вырезанной или нарисованной марионеткой» («non fictus neque pictus»).¹ Традиция Батори, то есть возможность достижения польской короны, постоянно стояла перед глазами трансильванских князей от Габора Батори и Габора Бетлена до представителей семьи Ракоци.

Трансильванские и русские устремления в Польшу, являвшейся целевой территорией как для трансильванской, так и для русской внешней политики, снова столкнулись в вопросе о польской короне в 1656 году.

В конце 1655 г. казалось, что Речь Посполита доживает свои последние дни. Войска шведского короля Карла Густава X (1654–1660) заняли не только Варшаву, но и Краков, объединенные силы царя Алексея Михайловича (1645–1676) и казацкого гетмана Богдана Хмельницкого (1648–1657) завоевывали Литву. В результате успешной войны, которая велась под лозунгом освобождения и объединения славян, русский царь самовольно добавил к титулу государя Великой Руси титул государя «*Малой и Белой Руси*», больше того, претендовал на звание «государя Великого княжества

Литовского, Волыни и Подолии».² Польский король и великий князь Литовский Ян Казимир (1648–1668), вытесненный из своих государств и спасавшийся от «потопа», нашел себе временное пристанище в императорской Силезии. Этим поступком он нарушил конституцию Речи Посполитой и *de jure* потерял свою страну и корону. Казалось, что судьба Польши и Литвы свершается, поскольку и переговоры между членами шведско–трансильванско–казацкой коалиции, планировавшей тотальное уничтожение государства подходили к успешному концу.

Король Ян Казимир в этом безвыходном положении попытался компенсировать военные потери средствами дипломатии. Он разослал своих послов по европейским столицам: в странах, непосредственно затронутых войной, они вели переговоры о перемирии, а в странах, не замешанных в войну, старались получить военную помощь или займы, необходимые для вербовки наемников. В обмен на это послы всегда обращались к партнерам по переговорам с наилучшим и наиболее соблазнительным предложением, «пускали в продажу» польскую корону. Венский, дюлафехерварский и берлинский дворы одновременно ломали голову над дальнейшей судьбой Польши.³

Например, коронный гетман Польши Станислав Потоцкий внушал князю Дёрдю Ракоци II, что поляки скорее склоняются на сторону князя, и этому «сам он со всей Руссией (то есть Украиной – Ш. Г.) и многими великими сословиями готов был бы служить и содействовать» (выделено мной – Ш. Г.), – необходимо всего лишь договориться о частностях.⁴ В Люблине трансильванский канцлер Михай Микеш и коронный гетман С. Потоцкий, уже договариваясь о конкретных деталях, искали возможность совмещения интересов короля и князя в такой форме, когда «и власть его королевского величества сохранилась бы без ущерба, и его княжеское высочество был бы доволен» («mind az király ő felsége regimenje (uralma) fen maradna illibate (csorbítatlanul), és mind az méltóságos fejedelem ő nagysága contentálódhatnék»). Согласится ли князь, интересовался Потоцкий, на разделенное правление (*in consortium regiminis*)? По его (их) представлению (представлениям), «совместное правление» на польский манер выглядело бы следующим образом: королевское достоинство и правление Яна Казимира должны (были бы) остаться в неприкосновенности, а Ракоци в качестве соправителя и *de facto* второго человека в королевстве очистит страну от врагов.⁵ Главный коронный маршал Ержи Себастьян Любомирский также ожидал спасения Речи Посполитой от Ракоци. По обещанию маршала, находившегося, между прочим, в дальнем родстве с Ракоци, платой за

немедленную помощь должна была стать уступка части Восточной Галиции или Подгорья «при полном сохранении очередности» Ракоци как претендента на польский трон.⁶

Дёрдь Ракоци II и его непосредственное окружение стремились извлечь из этой ситуации как можно больше выгод. Канцлер Михай Микеш прямо предложил князю: «...А если в руках Твоего Высочества будет оружие, то можно будет воспользоваться легитимным влиянием. *И plures adorant solem orientem, quam occidentem*» (большинство поклоняется восходящему, а не заходящему солнцу – выделено мной – Ш. Г.) («*Nagyságod kezében levén penig az fegyver, élhetne legitima autoritásával. És plures adorant solem orientem, quam occidentem*»).⁷ Другой доверенный советник Ракоци, Янош Кемень, также утверждал, что корона достижима: «Король Казимир, если на свою собственную реституцию не надеется, то с уверенностью думаю, что скорее желает возвышения Твоего Высочества, чем Шведа, а император и того более, и не из любви, а боясь силы шведов, желает, чтобы и Твое Высочество со шведом поссорилось» (выделено мной – Ш. Г.) («*Kasimir király ha maga restitutiojához nem bízik, bizonytal hiszem inkább kívánja Nagyságod előmenetelét, mintsem Svecusét, sőt császár is inkább annál annak, nem szeretetből, hanem hogy a svecusok potenciáját félvén, akarja, ha ez úton Nagyságod is öszvevesz svecussal*»).⁸

Эти оживленные трансильванско–польские дипломатические сношения не ускользнули от внимания гетмана Хмельницкого, который к тому же располагал точной информацией и о сути переговоров. Известия о дипломатических шагах и предложениях поляков пересылались им с гонцами в Москву. Ляхи послали к Ракоци за деньгами и войском, доносил казацкий гетман царю, чтобы продолжить войну со шведами, и обещают, что после смерти Яна Казимира королевство достанется Ракоци, а если Ракоци хочет городов, то дадут ему в залог города.⁹

Таким образом, царский двор уже осенью 1656 г. располагал непосредственными данными о соперничестве за польский трон. Но если Хмельницкий сообщал в Москву о ходе переговоров в Трансильвании, то литовский великий гетман Корвин Гонсевский делился с царским двором сведениями о планах, циркулировавших в Европе. По этим сведениям, император Фердинанд III (1637–1657) хотел добыть польское королевство для своего сына, хотя, по утверждению Гонсевского, ходил и слух о том, что от польской короны не отказался бы и курфюрст Баварский. Из сообщения гетмана выяснилось однако, что в действительности судьба короны зависела от предводителей боеспособного войска, гетмана

Станислава Конецпольского и Стефана Чарнецкого. Если удастся заручиться их помощью, и они встанут на сторону его царского величества, то титул польского короля несомненно войдет в число титулов Алексея Михайловича, – обещал литовский магнат.¹⁰

В начале 1656 г. в Литве наступило долгожданное перемирие после того, как царь Алексей Михайлович принял посредническую миссию императора Фердинанда III и согласился на проведение в Вильно переговоров между польской и русской делегацией об условиях мира. Россия охотно приняла посредничество императора, получив возможность сконцентрировать свои силы, не нужные в уже побежденной Речи Посполитой, против представлявшей опасность Швеции. Единственное предварительное условие мирных переговоров, выдвинутое царским политическим руководством, состояло в том, что Польша не могла заключить мир со Швецией без согласия России, а также должна была признать справедливость войны России против Швеции в том случае, если Россия подвергнется нападению со стороны шведов.¹¹

Подготовка к переговорам в Вильно вызвала серьезное беспокойство в казацкой столице, Чигирине.¹² Во-первых, оно было вызвано тем, что решение о переговорах было принято при царском дворе без учета мнения Запорожского Войска, во-вторых тем, что казаки отнюдь не одобряли перемену в русской внешней политике на Украине, замену одной, незаконченной войны на другую, а в-третьих, тем, что на переговорах в Вильно нельзя было с уверенностью рассчитывать на определенные результаты. Последнее особенно сильно беспокоило казацкое руководство. Например: какой будет судьба Запорожского Войска в случае соглашения в Вильно между Польшей и Россией? Будет ли Украина возвращена Польше, или останется в силе решение 1654 г. о ее присоединении к России? Или, быть может, она будет вынуждена вести вооруженную борьбу с обеими странами? Обязано ли будет Запорожское Войско воевать на стороне России против Польши и Швеции в том случае, если на переговорах не будет достигнуто соглашение?

Дёрдь Ракоци II узнал о неблагоприятном для трансильванской внешней политики событии (переговорах в Вильно) в Константинополе в конце июня 1656 г.¹³ Он понял, что если и казаки заключат в Вильно соглашение с поляками, то его претензии на королевский титул окажутся безуспешными, мечты о польской короне будут развеяны, больше того, нельзя будет исключить и того, что возродится союз между Запорожским Войском и Крымом, непосредственно грозящий Трансильванскому и румынским княжествам.

На основании этого понятно, что одно объявление о проведении конференции в Вильно вызвало серьезную напряженность в данном регионе. И не случайно, ведь эта конференция могла коренным образом изменить все прежние внешнеполитические конструкции, поскольку могла дать заинтересованным сторонам все или не дать ничего. В данном докладе мы вынуждены опустить подробности переговоров в Вильно (17 августа – 3 ноября 1656 г.).¹⁴ Участники конференции в Вильно проводили время в бесплодных спорах, взаимных обвинениях и яростных ссорах, и, наконец, 28 августа руководитель русской делегации боярин Никита Одоевский обратился к королевским послам с неожиданным вопросом: *почему бы им не спросить Яна Казимира, не разрешит ли он им выбрать своим преемником царя и его сына?* (Выделено мной – Ш. Г.). Это принесло бы множество выгод обеим странам, прекратилась бы всякая вражда и не было бы больше смысла спорить о принадлежности тех или иных «провинций». Если вы примете это предложение, то мы обо всем немедленно договоримся, – завершил свою речь царский представитель.¹⁵

Послы Яна Казимира с удивлением выслушали предложение царской делегации и заявили, что это для них дело совершенно новое, но противоречащее польским законам, поскольку король жив, и при его жизни нельзя думать об ином наследнике. И вообще, бесполезно говорить о выборе короля пока не закончились мирные переговоры: если закончим одно, то сможем легче перейти к другому, – пытались маневрировать польские и литовские уполномоченные.¹⁶ Представители императора Фердинанда III (иезуитский монах Аллегретти ди Аллегретто и Иоганн Дитрих фон Лорбах) как посредники однозначно поспешили на помощь полякам, заговорив о необходимости разделения дел.¹⁷ Со своей стороны, Одоевский аргументировал свое предложение тем, что проблема выбора царя польским королем неотделима от заключения мира, а затем миролюбиво заметил: его царское величество в обмен на королевский титул вернет Литву Польше, отберет польскую Ливонию у шведов, и «общими силами» можно будет принудить к повиновению и Швецию.¹⁸

Несмотря на то, что стороны каждый день угрожали друг другу прекращением переговоров, консультации не прерывались. Наконец, польский король Ян Казимир дал положительный ответ на «идею» царя Алексея Михайловича, то есть, не возражал против его избрания польским королем, но сопроводил свою уступчивость на первый взгляд незначительной фразой: *вопрос не может быть решен без разрешения сейма.* (Выделено мной – Ш. Г.).¹⁹ Попробуем истолковать эту фразу! Сейм *de jure* считался легитимным лишь в

том случае, если в его работе принимали участие и представители Великого княжества Литовского. Однако Великое княжество Литовское, восточную часть Речи Посполитой, Россия завоевала у Польши в 1655 г. Следовательно, условием созыва сейма было ничто иное, как возвращение территорий, находившихся под властью царя. На связанную с неприемлемым условием уступчивость польского короля царь Алексей Михайлович ответил предложением о разделе Литвы. Согласно «окончательному и невозвратному» предложению России, польским королем мог стать лишь сам царь но не его наследники, однако Польша должна была на вечные времена отказаться от Украины и казаков, а также от части Литвы.²⁰

Решительно протестуя против царской аннексии, послы польского короля все же поделились своими затаенными мыслями с императорскими посредниками. Если казаки добровольно перейдут на нашу сторону, – взвешивали возможности поляки, – тогда с помощью татар было бы достаточно сил для того, чтобы отбить московитов и шведов, а иначе придется достичь соглашения или с теми, или с другими, и лучше выбрать московитов, чем шведов. А для этого есть только одно средство – выборы короля.²¹ Нужно согласиться с автором виленского дневника, литовским референдарием Киприаном П. Бростовским, который был крайне доволен гибкой позицией королевской делегации на переговорах. Как заметил Бростовский, она так успешно защищала свою позицию и отражала доводы противной стороны, что в конце концов русские уступили, и дело было отложено до сейма, на который царь должен был послать своих представителей.²² Довольными были и уезжавшие из Вильно царские послы. Одоевский и его помощники были рады тому, что ценой выбора Алексея Михайловича польским королем будет лишь минимальная территориальная компенсация. Они вернули Яну Казимиру право пользования титулом «великого князя Литовского», а царь Алексей Михайлович дополнил свою подпись титулом «царя Малой и Белой Руси». Как бы ни оценивали царские дипломаты и советники свои достижения, они допустили крупные ошибки. Тяжелый, позже оказавшийся непоправимым просчет был допущен ими тогда, когда они не обратили внимания на юридические условия, правовые трудности созыва сейма. Во-вторых, грубая ошибка была сделана тогда, когда московские послы заговорили о проблеме украинского казачества как о незначительном деле и к тому же унизили и нанесли кровную обиду казацким представителям, появившимся в Вильно, но не допущенным к столу переговоров. Главный посол царя боярин Никита Одоевский пренебрежительно говорил о них главному польскому послу Яну Казимиру Крашинскому,

заявив, что казаки не могут жить в мире ни с русскими, ни с поляками и заблаговременно подыскивают себе нового покровителя, или шведов, или Ракоци, а объединившись с кем-либо из них, могут стать опасными и для русских, и для поляков, нужно спастись от них как от бешеной собаки.²³

Будучи хитрым и осторожным политиком, гетман Хмельницкий уже во время виленских переговоров начал готовиться к усиленной нейтрализации возможных неблагоприятных постановлений конференции. В октябре 1656 г. все казацкие начальники собрались у гетмана на секретное совещание, и приняли тайное решение о мобилизации Запорожского войска.²⁴ Находившемуся в казацкой столице Чигирине киевскому воеводе Андрею Бутурлину удалось выяснить подробности этого решения. Один из казацких полковников сообщил воеводе, что гетман мучается сомнениями, опасается царя, который явно что-то замышляет против Украины. Свое подозрение гетман основывал на том, что в Вильно дела идут не так, как надеялись казаки. Дурные предчувствия внушали ему, что царь выдал их польскому королю. Поэтому гетман вступил в союз с Трансильванией, Молдавией, Валахией и Крымом, и если подвергнется любому нападению, то получит от них помощь и все будут сражаться заодно.²⁵ 19 октября 1656 г. в таком же духе беседовал – *in medias res* – второй человек Запорожского Войска, генеральный писарь Иван Выговский с Ласло Уйлаки, трансильванским послом, также находившемся в Чигирине: «Если они (то есть поляки с русскими – Ш. Г.) замирились, то порвали союз» (то есть казацко-русский союз 1654 г. – Ш. Г.).²⁶

Позиция Запорожского Войска была совершенно понятной. Пытаясь предотвратить свою изоляцию, казаки 7 сентября 1656 г. в Дюлафехерваре заключили с Ракоци соглашение об обороне и нападении,²⁷ которое обеспечивало военную помощь Трансильванского княжества (и подвластных трансильванскому князю Молдавии и Валахии) на случай нападения со стороны России и Крыма. К тому же эта дипломатическая мера гарантировала Запорожскому Войску и Западную Украину (*tota Rubra Russia*), а сверх того укрепляла и подготавливавшееся шведско-казацкое соглашение. Дюлафехерварский пакт был важен Ракоци только с точки зрения обеспечения казацкой военной помощи. Он не обсуждал с гетманом судьбу польской короны, будущее Речи Посполитой. В этом отношении он не считал Запорожское Войско и гетмана Хмельницкого равноправным партнером. *«Мы – полновластные князья, – писал он, – и кроме смерти наше положение, божьей милостью, ничто изменить не может, мы над ним сами властны; а его положение иное;*

сохранение или изменение гетманства зависит от воли его подданных; да к тому же власти для самоличного правления у гетманов нет» (выделено мной – Ш. Г.) («*Mi annyiban absolutus fejedelmek vagyunk, hogy halálnál egyéb, állapotunkat változtatni isten kegyelmessége által nem szoktak, annak felette magunk vagyunk az régensek; de az ő kegyelmek állapotja különben vagyon; az hetmanságnak állatása, változtatása függ az alattok levőknek szabadságokból; egyéb-aránt is az directio magános hatalmában az hetmanoknak nincsen*).²⁸

Заключение дюлафехерварского пакта, побудило Москву к немедленным действиям. Царь Алексей Михайлович потребовал у Хмельницкого объяснений, по каким причинам гетман объединился с Ракоци против поляков и хочет посадить его на королевский трон, какие выгоды извлекут казаки из обещания сделать Ракоци польским королем? По мнению Алексея Михайловича, гетману следовало бы скорее позаботиться о том, чтобы польским тронном овладел он, русский царь.²⁹

Оправдания Хмельницкого отнюдь не успокоили московский двор, ведь в Москве было известно, что казацкий вождь резко критиковал Москву за виленское соглашение. Гетман осмелился оспаривать решения, принятые по воле царя и обосновывал это тем, что поляки своей ложью обманули царя и никогда и не помышляли о его избрании и коронации.³⁰

В ноябре-декабре 1656 г. Дёрдь Ракоци II принял окончательное решение о войне за польскую корону. Ни предостережения императора Фердинанда III и султана Мухамеда IV, ни мольбы матери и жены, – никто и ничто не могло развеять его иллюзий. По словам служившего в княжеской канцелярии начинающего юриста, Ракоци живет одной надеждой стать польским королем (*anhelat esse rex Poloniae*).³¹ К изменению этого намерения Ракоци могло побудить послание царя Алексея Михайловича, доставленное в вишковский лагерь царским послом Григорием Волковым 15 января 1657 г. Волков недвусмысленно дал понять князю, что Запорожское Войско состоит у царя «в вечном подданстве». Вступить с ним в союз или воевать без царского указа невозможно. Князь Ракоци, – ораторствовал царский дипломат в военном лагере, созданном уже для войны с Польшей, – не должен забывать и о том, что Речь Посполита официально предложила корону царю, поэтому ему (князю) было бы лучше не пытаться захватить трон насильственным путем.³²

Эта просьба оказалась совершенно бесполезной, все предложения вызывали у Ракоци противоположную реакцию. От польской короны не пожелал отказаться потому, что поляки *legitimo modo* предлагали ему эту корону ранее и предлагают и сейчас. Если бы

Польша на самом деле хотела в короли Алексея Михайловича, то она должна была бы доказать это, – намекал Ракоци на не состоявшийся созыв сейма. Поляки уже должны были бы публично объявить об этом намерении, но этого до сих пор не произошло. «*Si Jus violandum, Regni causa violandum est*», – поучал Ракоци посла царя.³³ Это высокомерное и враждебное поведение служит красноречивейшим примером политической слепоты Ракоци. Указывая на отсутствие юридических предпосылок для избрания царя польским королем, он даже не задумался над тем, что и у него самого нет для этого конституционно-правовой основы. Без официального объявления о процессе выборов, то есть без официального заявления об интересе, а также без назначения даты проведения сейма, который определил бы кандидатов на трон (*konwokasujny sejm*), претензии как царя Алексея Михайловича, так и трансильванского князя Дёрдя Ракоци II на титул польского короля были ничем иным, как обреченными на провал попытками правителей, не разбирающихся в польской конституции, добыть польскую корону.

Примечания

1. *Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690* (Wydał: E. Rykaczewski) T. 1. Berlin-Poznań, 1864. 299. «я родился свободным человеком ... я люблю и сохраняю свою свободу. С божьей помощью и при вашем участии я стал вашим избранным королем; я приехал сюда [в Польшу] по вашей просьбе, по вашему приглашению. Вы возложили корону на мою голову и я стал вашим королем, а не вырезанной или нарисованной марионеткой (*non fictus neque pictus*). Я хочу властвовать и управлять и не потерплю, чтобы кто-либо из вас мне в этом препятствовал ...», – прозвучало на торуньском сейме через пять месяцев после коронации Стефана Батория, в октябре 1576 г.
2. Gebei Sándor: *II. Rákóczi György külpolitikája (1648–1657)*. Budapest, 2004. 82–87.
3. Kubala Ludwik: *Wojna szwedcka w roku 1655 i 1656*. Lwów, 1913. 208.
4. *Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria* (szerk.: Szilágyi Sándor) (далее: МННД) 23. k. 1874. 245.
5. *Erdély és az északkeleti háború. Levelek és okiratok*. (Szerk.: Szilágyi Sándor) (далее: Erdély) 1. k. Budapest, 1890-1891. 512-515.
6. Жерела до історії України — Руси. (Матеріали до історії української козаччини) (далее: Жерела) Т. 12. Львів, 1911. 405.
7. *Erdély...* 1: 515.
8. Там же, 518.
9. *Документы Богдана Хмельницького (1648–1657)*. Київ, 1961. 497.
10. Соловьев, С. М. *История России с древнейших времен*. 5. книга, 10. том (5/10). Москва, 1961. 666.
11. Там же, 654.
12. Смолий В. А. – Степанков В. С. *Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет*. (2-е видання). Київ, 1995. 559–560.
13. МННД 23. k. 396, 407.
14. Бростовский, П. К. *Дневник дороги на комиссии в Вильню 1656 г. самого акта комиссии наскорю списанный*. In: *Сборник Муханова*. Издание 2-е. СПб., 1866. 483–

542. (о ходе виленских переговоров сообщается в дневнике литовского референдаря Киприана Павла Бростовского – Бростовский: Дневник); Варианты виленского договора: Haus, Hof- und Staatsarchiv (Bécs) Polonica 68 I., fasc. 35b, f. 8–10., Собрание государственных грамот и договоров, т. 4. Москва, 1828. 1–12.

15. Бростовский, П. К. Дневник..., 506–507.

16. Там же, 508.

17. Там же.

18. Там же, 509–510.

19. Там же, 522.

20. Там же.

21. Там же, 527.

22. Там же, 537.

23. Там же, 518.

24. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее: Акты ЮЗР).

Т. 3. СПб., 1861. 551.

25. Там же, 552.

26. МННД 23: 488.

27. Erdély... 2. k. Budapest, 1891. 110–111.

28. МННД XXIII. к. 386.

29. Грушевський М. С. Історія України-Руси, т. 9/2. Київ, 1931. 1348.

30. Акты ЮЗР 3: 597–598.

31. Жерела... 12: 417.

32. Erdély...2: 264–265; Жерела... 12: 399–405.

33. Там же.